

Люсики

Зеленая лампа. Два ханукальных светильника. Фаянсовые банки с металлическими крышками — одна для кофе, треснувшая, время от времени приходится подклеивать, другая — с надписью "Чай". Секретер. Диван с придиванной полкой, на котором теперь спят гости. Шкафчик, когда-то на Садовой на нем стоял проигрыватель, теперь на нем стоит на кухне телевизор. На лоджии стоит старый Анечкин диванчик, на котором в последнюю ночь в Одессе спала четырехлетняя Марьяна. Иногда спрашивают: "А что вы эту рухлядь держите?". Для кого-то это "рухлядь", для нас это — воспоминания, поэтому от комментариев удерживаемся. Альбомчик с латунной застежкой пополняется до сих пор художниками — последний рисунок Резо Габриадзе. Английские тарелки с блюдом, ложечка "фраже" из кафе "Фанкони". Стекланный цилиндр, не то вазочка, не то большой стакан, в последний день перед отъездом из него пили шампанское, бусы муранского стекла, не нынешние, которые теперь продаются в супермаркетах, а старинные, футуристический портрет работы Александра Богомазова и крошечный рисунок пером ужгородского художника Бедзира — портрет Люсика, фотография — веселый Бекерман в колхозе — в кепке, с растянутой гармошкой в руках... Остановлюсь.

Филиал "музея" на Садовой, квартиры Люсиков, квартиры Ильи Исааковича Бекермана и Люси Сатановской. Можно написать — "Хранить вечно", но писать не нужно. Все хранится в памяти, в сердце.

Каждый отъезд был трагедией для нас. Когда уезжали в конце 80-х — начале 90-х, уже не было так беспросветно. Прощание же в "глухую пору листопада", в семидесятые, было прощанием навсегда. Отъезд Люсиков, как мы все называли эту семью, оставил в нашей жизни такую зияющую дыру, такую беспросветную бездну, которая и за тридцать лет не заполнилась.

Илья Исаакович Бекерман был гидрологом. Часто в командировки ездил в Западную Украину — Закарпатье, Буковина были местами, которые курировал его проектный институт. В те времена специалисты были хорошие. При Бекермане и его институте таких катастрофических наводнений, как сейчас, не было и в помине. Хотя это шутка, но все же...

Люсик прекрасно знал не только города, но и многочисленные местечки, села, архитектуру, народные промыслы гуцулов, лемков, бойков. Настоящих народных мастеров и замечательных ужгородских и львовских художников, местных коллекционеров. Сколько названий — Яремча, Косов, Бере-

говое, Коломыя, Ворохта, сколько имен мы слышали от Люсика! Когда мы впервые поехали в тот край, казалось, что все нам знакомо, мы шли вслед по рассказам и адресам Бекермана — приходили ли мы в дом к вдове замечательного ужгородского художника Адальберта Эрдели или к львовскому графику — ясновельможному Леопольду Ивановичу Левицкому...

Постепенно у Люсика начала складываться прекрасная коллекция украиники. Хоть многообразное собрание зарождалось гораздо раньше, еще до того, как зазвучали в нем украинские мотивы.

Коллекция начиналась и продолжалась, во всяком случае, в Одессе, — с графических листов и стала одним из самых безупречных по вкусу, по значительности имен собранием графики не только в нашем городе. Ее знали ценители искусства в других городах некогда огромной страны, а с ее владельцем дружили, общались, советовались, обменивались раритетами многие знатоки этого утонченного искусства — искусства графики. И подстать этой коллекция — любовно собранная библиотека, посвященная, в первую очередь, искусству графики.

Что это было за время, когда начинали собираться эти одесские коллекции уже с середины пятидесятых годов, в "оттепель", этими, можно сказать, мальчишками, часто еще не успевшими окончить институты, но уже чувствовавшими неистребимую тягу к подлинному, прекрасному, достойному сохранению в сметавшем все на своем пути советском беспамятстве.

Эти умные, начитанные, влюбленные в культуру, искусство, в город, в его историю юные одесситы! Одесские мальчишки, ставшие собирателями.

Конечно, и до них, и при них были солидные коллекционеры, рассказы о которых звучали как легенды. Кроме того, нужно помнить, что Одесса, как говорит Михаил Жванецкий, стояла на трех китах — море, музыка, медицина.

Музыканты, врачи, целые врачебные династии в Одессе, где в домах хранился прекрасный антиквариат и достойная живопись, переходившие от поколения к поколению. Эти знаменитые имена были на слуху в культурной среде Одессы тех лет, и как легенда, хранятся до сих пор в памяти коренных одесситов.

Но эти мальчишки на свои нищенские стипендии приобретали то, что тогда часто по равнодушию, а то и по невежеству, не привлекало к себе "солидных" покупателей. Книга, купленная в Букине, на книжном развале Староконного рынка, этюд давно забытого художника, работы моло-

дых, еще не прославленных живописцев, значки, жетоны, открытки, все, что напоминало о прекрасной истории нашего города ("до несчастья", как говорит один наш друг), — все доставляло радость, наполняло жизнь по-таенным, сокровенным смыслом.

"Так начинают жить стихом..."

Так начинались коллекции.

Так рождался интерес друг к другу, перераставший в привязанность, дружбу на долгие-долгие годы. Советы друг другу, подсказки, обмены, восторженная зависть по поводу удачного приобретения другом, долгие посиделки, увлекательные рассказы, ирония, анекдоты, книги, воспоминания — все это было.

В тесноте крошечных квартир и в комнатах советских "коммуналок" сохранялась культура, история, драгоценные осколки рухнувшего мира...

Тесная квартира на Садовой. Одна комната, перегородкой разделенная на две.

Вторая — настоящий пенал. Там живут Илья Исаакович Бекерман и его приветливая мама Мария Григорьевна. Там же обитает коллекция — живопись, графика, антикварная мебель, украинские народные иконы на стекле, керамика, изделия из дерева, украшенные резьбой и инкрустацией. Коллекция все больше становится многозвучной — в нее драматически вплетается еврейская мелодия. Генетическая память давала о себе знать: Люсик был племянником еврейского поэта Ицика Фефера, расстрелянного по "делу" Еврейского антифашистского комитета... Иудаика стала органичной частью этого многогранного собрания. У Люсика я впервые увидела сакральный мир еврейского искусства.

Как это все помещалось? Те, кто теперь приходит в музей Александра Владимировича Блещунова, наверное, не могут представить себе, что вся основная коллекция помещалась в одной из двух комнат коммунальной квартиры, разгороженной шкапами, хранившими уникальные собрания.

Эти коллекции, собиравшиеся в условиях "немислимого быта", в удушливом воздухе советского бытия, были для каждого владельца, как ни странно это прозвучит, пространством выбора, территорией свободы.

Расстаться с коллекцией?! Продать?! Ни за что! Это была жизнь, исполненная радости, вкуса, любви, независимости. Ты отгораживался от окружающей пошлости и лжи, ты оставался с замечательными книгами, картинами, рисунками. И с замечательными друзьями-единомышленниками, понимавшими тебя с полуслова, с полужеста.

...Потом в этой крошечной квартире появилась Люся. Люся Сатановская. Кто-то из наших друзей-остроумцев сказал: "А у Бекермана появилась "девушка с глазами дикой серны"!". Мы тут же побежали знакомиться. Какие глаза у дикой серны, я так до сих пор не знаю. Но в красивых глазах Люси таились и выскакивали время от времени лукавые чертики. Выбор Люсика нам понравился.

Хоть, не скрою, мы вначале к Люсе присматривались, потом единодушно признали: она "ex nostris", как говорили когда-то в Одессе, — "из наших"!

Так образовались "Люсики". Пойти к "Люсикам", позвать "Люсиков" — стало не просто привычным речевым оборотом, стало привычной частью нашей жизни.

Как легко дышалось, как комфортно, уютно, как весело, наконец, было в доме на Садовой! Как обволакивал нас аромат табака из дымящейся трубочки Ильи Исааковича (трубок было много, и одна элегантнее другой!) и запах свежесмолотого кофе, волшебной пенкой уже поднимавшегося в джезве. Сейчас будем тянуть это удовольствие — Люся уже расставила чашки и несет благоухающий, "с восточной гущей", кофе.

Люся! Настоящая подвижница, какими и были обычно знакомые жены коллекционеров — и Фаина Марковна, и Мея, и какой остается Галя. Как Люся успевала и работать, и, как говорили прежде в Одессе, "держат дом", и оставаться милой и острой на язык, выдерживать эту круговерть — знакомых, коллег, коллекционеров, гостей друзей, приходивших посмотреть коллекцию?! Бегу с работы мимо их окон, Люся выглядывает: "Ты что пробегаешь мимо, не заходишь?! Иди, кофе выпьем!". Посидеть с Люсей, выпить кофе, поговорить о нашем "девичьем", поточить "на оселке" языки — какое было удовольствие!

Мы были молоды, "синих чулок" и "человеков в футляре" в нашей компании не водилось. И хоть разговоры велись бесконечные — о литературных новинках, о стихах, о живописи, об идиотизме советской действительности, — если бы кто-то из нас сказал, что мы ведем "умные" разговоры, его бы немедленно высмеяли. А уж смеяться, иронизировать, реагировать молниеносно — все были мастерами.

Кроме "постояльцев" в доме Бекермана иногда появлялись на какое-то время и временные гости, которых мы все тоже знали, но они не входили в "наш круг".

Так одно время ходил к Люсикам "книгоноша", работавший где-то электриком. Люсик его называл "электротехник Жан". Наверное, немногие сей-

час вспомнят строчки из стихотворения Маяковского: "Он был монтером Ваней, но в духе парижан, себе присвоил званье: "электротехник Жан".

Смеялись все, и "электротехник Жан" в том числе, потому что все прозвища давались легко, беззлобно, и обижаться было бы глупостью.

Один из наших общих друзей, отложив на какое-то время кисти и краски, занялся "реставрацией" мебели. Он покупал старые комоды, буфеты, чистил их, ремонтировал, покрывал черным лаком и медными, латунными накладками от старых бра, чернильных приборов. Имя Андре Шарля Булля, знаменитого чернодеревица при дворе Людовика XIV, витало в воздухе. Восторженные покупательницы приходили смотреть "шикарную" мебель. "Настоящий Буль", — небрежно бросал наш приятель. При встречах Люсик непременно спрашивал: "Ну, как твой новый "буль"?"

Ирина Михайловна Дробачевская и Валентина Ивановна Меленчук, "дамы из букина", — постоянные гости в доме Бекермана. Сколько рассказов и анекдотов о новом директоре книготорга, которого партия "бросала" на руководящие посты: он был начальником тюрьмы, потом директором оперного театра, наконец, его назначили "на книготорг". Было о чем поговорить!

В середине шестидесятых годов в журнале "Знамя" была большая публикация рассказов И. Бабеля, среди них — "Фроим Грач", "Гапа Гужва", "Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна". Нужно ли говорить, что журнал зачитывался до дыр!

Однажды на посиделках у Бекермана было, как всегда, людей много, одна из гостей в поисках места присела на колени Люсика.

— Вы, нивроко, дама с весом, Маргарита Прокофьевна, — мгновенно отреагировал Люсик. Взрыв смеха! После этого мы достаточно долго их звали — Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна.

В недавнем письме от Люсика прочла подзабытое обращение "Милейшая Эрудиция Степановна!", бытовавшее когда-то в доме на Садовой. "Узнаю льва по когтям"! Знакомая ирония и язвительность. Я не замедлила откликнуться: "Любезнейший Элья Исаакович!". Как будто вернулась в те времена.

А постоянный участник этих вечеров, этих собраний Миля Шаргородский, который навсегда в памяти остался "Наполеоном", за подвижническое коллекционирование всего, что было связано с именем французского императора...

И Миля, и Люсик были активными членами секции книголюбов при Доме ученых. И выступали там с докладами. Прошло несколько лет после отъезда Мили Шаргородского, а потом и Бекерманов, как появились но-

вые "имена". Юрий Михайлович Иноземцев, издававший в какой-то ведомственной типографии пригласительные билеты, программки секции, к ее 15-летию в 1982 году издал миниатюрную книжечку с перечислением заседаний секции, тем докладов и фамилий докладчиков. В среде книголюбов его полиграфическая продукция носила название "Инюриздат". В названии был понятный книголюбом подтекст: "Инюрколлегия разыскивает..." (в "Известиях" печатались такие сообщения о поисках из-за рубежа родственников в СССР) и робкий намек на "самиздат". Когда книжечка была отпечатана, то мы увидели, что вместо фамилии Шаргородского стоит фамилия — Иванов И.И., а вместо Бекермана — Петров П.П. — такие вот "шутки" цензуры. Почти два подпоручика Кижэ по-советски!

Пожалуй, только к Ивану Михайловичу Федорову в этой острой на язык, насмешливой и ироничной компании все относились с пиететом, Может, и потому, что Иван Михайлович, "ровесник века", как он сам себя справедливо называл, в два раза старше каждого из нас, любил сам над собой подтрунить и посмеяться. Доброжелательно относившийся ко всем, Иван Михайлович к Люсику относился как к родному человеку, как к сыну.

Свою лепту в это дружеское веселье вносил еще один неперемный участник — Петушок. Это был майоличный кувшин в виде петуха с высоким гребнем, весьма вместительный. Напротив окон Бекерманов, на противоположной стороне Садовой была винарка под названием "Аист". Петушок и летал туда. Продавщица восклицала: "О, наш петушок прилетел!". Наполненный живительной влагой, Петушок возвращался, разве что не хлопая крыльями, домой, к радости всех собравшихся.

Как настоящий коллекционер Бекерман легко во имя нового желанного, приобретения расставался с чем-нибудь из своих "запасников". В этом были азарт и отвага! На мои признания, что для меня почти невозможно расстаться с чем-то, что уже есть в доме, настолько я привязываюсь к вещам, Люсик отвечал: "Ты никогда не будешь коллекционером", — и смотрел на меня с сожалением.

Тридцать лет прошло, пролетело, протянулось. "Иных уж нет, а те далече".

Из всей той нашей компании остались в Одессе только Сергей Зенонович и Галина Григорьевна Луцки и мы. Не было случая, чтобы при встрече не были произнесены слова: "А Люсики...", "А Бекерманы...", и по-несли воспоминания.

Если бы не Луцки, наверное, оставалось бы только чувствовать себя Фирсом в заключенном доме нашей памяти...